

И.И. Лыман

БЕРДЯНСК И ТАГАНРОГ В АВСТРАЛИЙСКОМ ИЗДАНИИ ВОСПОМИНАНИЙ РАФАИЛА И ЕЛЕНА КАБО

Бурное XX столетие кардинальным образом перекроило политическую карту, разбросало по миру бывших земляков, потомки которых, тем не менее, трепетно берегут память о местах пребывания своих предков. Наглядным подтверждением этого тезиса служит судьба воспоминаний Рафаила и Елены Кабо.

Рафаил Михайлович Кабо (1886–1957) – известный экономгеограф, профессор, один из создателей советской социально-культурной географии. Елена Осиповна Кабо (1888–1968) – социальный статистик, автор целого ряда научных трудов, включая ставшие классикой советской социологии "Очерки рабочего быта" (1928). Оба принимали активное участие в революционном движении, будучи членами меньшевистского крыла социал-демократической партии, но после революции 1917 года, разочаровавшись в ней, полностью отошли от политической деятельности, сконцентрировавшись на науке и преподавании.

Заря жизни обоих авторов воспоминаний была тесно связана с Северным Приазовьем. Поэтому в воспоминаниях находим немало сведений о событиях и в Бердянске, и в Таганроге, и в Мариуполе.

Именно в Бердянске, в религиозной еврейской семье портного в 1886 году родился Рафаил Михайлович Кабо. Не удивительно, что именно этому городу уделено особое внимание в воспоминаниях Рафаила Михайловича.

Довольно колоритно его описание Лисок: "Лиски, где жила моя бабушка со своей семьей, – пригород, отделенный от города большой площадью, в центре которой стояла церковь. За площадью высокий берег моря, от которого оно отступило, – по местному "гора", ограждающая Бердянск с севера, – и нынешний берег моря сближаются. На узком клинообразном пространстве получившегося таким образом треугольника выстроились хаты, образовав несколько улиц. От самого подножья весь склон "горы" был покрыт виноградниками, принадлежавшими крупному землевладельцу Денисову. Виноградники зорко охранялись сторожами, вооруженными дробовиками.

Источником существования лисковцев было море, рыболовство. Почти в каждом дворе можно было видеть рыболовные снасти. На берегу лежали лодки, опрокинутые вверх дном. В рыболовный сезон они спускались в море, подымались мачты, и рыбаки отправлялись на ловлю. Благополучие и несчастья лисковцев были связаны с морем. Нередко поздней осенью, когда на море свирепствовали бури, а береговая полоса сковывалась льдом, можно было видеть толпы женщин и детей, ожидающих возвращения рыбаков.

Хата моей бабушки была типичной для Лисок. Сложена она была из сырцового кирпича и покрыта камышовой крышей. Возле дома проходила дорога, поросшая травой. По границе с улицей и соседним двором подымалась, как это было в обычае Лисок, низкая глиняная стена. Ни садов, ни огородов в поселке не было. От летнего зноя спасались внутри хаты или в тени ее — по-местному "в холодке". В холодке часто можно было видеть женщин, любимым занятием которых было искание в голове друг у друга. За этим занятием они проводили часы, во время которых вверлялись друг другу сокровенные тайны и, разумеется, все уличные новости" [3, 33-34].

Поскольку бабушка Рафаила Михайловича была замужем за евреем Крючковым, содержащим на Лисках шинок, сохранились яркие воспоминания именно об этом заведении Бердянска:

"Здесь, в Лисках, я получал новые впечатления, такие отличные от городских. Шинок был всегда наполнен лисковцами, жаждавшими выпить. Он же служил своего рода клубом. Виноградное вино было малоалкогольное, но все же, после распития многих бутылок, люди пьянели. Тогда шинок наполнялся шумом, пением. Появлялась гармоника. У дверей толпились ребятишки, женщины, ожидавшие своих пьяных мужей и сыновей, нередко споры переходили в драку, а драки в поножовщину" [3, 34].

В воспоминаниях довольно четко отразилась и детская обида Рафаила Михайловича на тех бердянских сверстников, которые прониклись духом юдофобии:

"Летом, бывало, я в компании с другими "хедерными" товарищами ходил на море купаться. Нередко, однако, это удовольствие омрачалось большими неприятностями. Стоило нам раздеться и влезть в воду, как появлялась ватага уличных мальчишек, которые с криками "бей их!" набрасывались на нашу одежду, разбрасывали ее по песку, завязывали крепким узлом рукава рубашек, смачивая узлы водой, для крепости вываляв их в мокром песке.

Выйдешь, бывало, из воды, бросишься с кулаками на обидчиков, но так как их было больше и они были старше, столкновения эти кончались обыкновенно для нас плохо. Нас не только "лупцевали", но и забрасывали песком, грязью. Иногда часами приходилось сидеть в воде в ожидании, когда за нас заступятся взрослые.

Случалось нам подвергаться нападениям другого рода. Зная, что свиное сало запрещалось еврейским религиозным предписанием, большим развлечением для уличных мальчишек было ловить еврейских детей и смазывать им губы свиным салом. Помню, что группа таких мальчишек поймала меня в пятницу вечером по пути в синагогу. Повалив меня на землю, они со смехом намазали мне лицо салом, особенно стараясь "осквернить" мне рот" [3, 46].

Знаковыми для характеристики межконфессиональной жизни дореволюционного Бердянска являются и воспоминания об отношениях бабушки Рафаила Михайловича с ее сыном Ильей:

"Илья очень рано сблизился с коренными лисковцами. Не только своей речью, но и своей наружностью он напоминал украинского парубка, а своими повадками коренного лисковца. Уйдя рано из дома матери, он вошел в состав семьи местного рыбака и сам стал рыбаком. Кончилось тем, что он принял православие (стал "выкрестом"). Я был еще маленьким мальчиком, но помню, что весть об этом была тяжелым ударом для всей моей семьи и особенно для отца. Для последнего по соображениям "престижа" среди своих единоверцев.

Поступок сына как бы лишил рассудка бабушку. Она пришла в исступление. Я помню тот вечер, когда, придя к нам, она в полном изнеможении упала на руки моей матери. Оказалось, что она искала целый день своего сына, чтобы проклясть и даже изувечить его ножом, который она захватила с собой. Это было на нее похоже! Душа ее соединяла любовь к сыну, стыд, скорбь о несчастьи и чувство мщениия.

Удивительнее всего было то, что через несколько лет он примирился с матерью, и до самой ее смерти они прожили в тесной дружбе. Впоследствии Илья женился на местной домохозяйке, дети его посещали свою еврейскую бабушку. Я не был уже свидетелем этого, хотя мне было бы интересно посмотреть на бабушку с ее крещенными по обряду церкви внуками. Возможно, что и сейчас проживают в Бердянске потомки Ильи Крючкова, моего родного дяди" [3, 35].

Знаковы для Бердянска воспоминания о сдаче комнат в наем, чем занялась бабушка Рафаила Михайловича после переезда из Лисок "в город" [3, 36-37].

Не менее интересными являются воспоминания Рафаила Михайловича Кабо, связанные с бердянской библиотекой и книжными собраниями бердянцев [3, 26-31], с ежегодным приездом в город цирка [3, 38-39], с бердянскими купцом Прохоровым и портным Слуцким [3, 39-40], с посещением бердянской синагоги [3, 41-42], с политической жизнью Бердянска начала XX века, в которой Рафаил Михайлович Кабо принимал живейшее участие, успев отбыть в Бердянской тюрьме сначала 10-месячное заключение в 1904 году, а после поражения первой российской революции — часть полуторагодичного срока [3, 54-60; 66, 70-71].

В отличие от Рафаила Михайловича, Елена Осиповна Кабо (в девичестве — Губергриц) родилась в другом городе Приазовья — Таганроге, где и провела первое десятилетие своей жизни, после чего ее семья переехала в Мариуполь. Девочка принадлежала к интеллигентной ассимилированной еврейской семье, представителем которой был, между прочим, и Юлий Дмитриевич Энгель — известный композитор и музыкальный критик, исследователь еврейского музыкального фольклора, один из основателей Народной консерватории в Москве. О своей семье Елена Осиповна вспоминала:

"Дело было в Таганроге, где протекали первые годы моего детства. Несмотря на многие и серьезные поправки, которые в него никто не догадался внести, а может быть, и благодаря их отсутствию, это было, в конце концов, счастливое детство, потому что оно протекало среди неприятельных и добрых людей, заботливо охранявших нас от всякого зла. В двух семьях вместе нас

было семеро детей, принадлежавших приблизительно к одной и той же демографической группе. Поколение наших родителей состояло из двух братьев, их жен и их старшей сестры. Кроме нее, у нас было еще много других дядей и тетей. Иногда они приезжали в наш город, подолгу гостили и, оставляя подарки детям, уезжали" [3, 234].

О Таганроге времен ее детства Елена Осиповна писала так:

"В ту пору жителей в городе было немного. И в каждом районе его были свои живые достопримечательности, свои знаменитые люди. В районе Нового Базара, что у Митрофаньевской церкви, почти все жители знали нашу тетку". Именно этой таганрогской тетке Маше посвящены, пожалуй, одни из самых трогательных страниц воспоминаний Елены Осиповны Кабо [3, 234-237].

Трогательно звучат и воспоминания, навеянные старой фотографией: "Дом в Таганроге. Мы только что прибежали с купанья. Море и дорога разожгли аппетит. Кажется, мы явились как раз вовремя. Короткие тени уже легли на чистую лужайку двора и на большой стол, покрытый белоснежной скатертью. Среди чайной посуды стоит блюдо. Что лежит на нем под салфеткой? Сдобные ли булочки или, чего доброго, вишневые пирожки? Или, может быть, теплый макаронный хлеб, густо смазанный маслом? Что бы там ни было, мы не сядем за стол, пока не закипит самовар" [3, 227].

Отрывочные сведения о Таганроге и его жителях вкраплены и в воспоминания Рафаила Михайловича Кабо. С другой стороны, в записях Елены Осиповны находим немало информации о Бердянске. Интересно, что живописуя свое бегство из Мариуполя в Бердянск ("сверкающий на солнце городок на берегу Азовского моря"), совершенное ею в начале 1904 года, Елена Осиповна отметила: "В тот самый день, когда я должна была выехать из Мариуполя в Бердянск, Рафаил должен был уехать из Бердянска. Он имел уже назначение в Бахмут на новую партийную работу. Он торопился уехать из Бердянска еще и потому, что... был там слишком известен полиции. Он должен был уехать из Бердянска навсегда, я же, наоборот, ехала в Бердянск надолго, во всяком случае на весь тот необозримый отрезок жизни, который был нужен для того, чтобы научиться какому нибудь ремеслу и... закончить курс по биологии" [3, 182]. Впрочем, планам долгого пребывания в Бердянске сбыться было не суждено. Фактически сразу после приезда сюда пятнадцатилетняя мечтательница о "свободе и независимости" попала под полицейскую "кампанию по истреблению бердянских крамольников на их мирных квартирах". Она была доставлена в полицейское управление и до утра просидела в претенциозно обставленном кабинете полицмейстера, который взял ее под свое личное попечение. Однако в тот же день в Бердянске было получено известие о начале Русско-Японской войны, и бердянскому полицмейстеру стало не до арестованной: была объявлена мобилизация и полицмейстер принялся организовывать манифестацию, в которой, согласно воспоминаниям Елены Осиповны, преобладали переодетые городовые, учащиеся средних учебных заведений и бердянские люмпены. В это время в поисках дочери из Мариуполя в Бердянск приехала мать, которой Елену и отдали полицейские власти, потребовав при этом, чтобы дочь была немедленно увезена из Бердянска [3, 179-187]. Что и было выполнено.

Достаточно колоритно начало повествования Елены Осиповны о том, как в начале 1906 года она снова приехала в Бердянск, на этот раз – уже по согласованию с Крымским комитетом РСДРП с целью "сохранить и связать между собой распавшиеся остатки партийной организации": "Бердянск – игрушечный городок. Но волна революции, прокатившаяся по России в 1905 году, прошла и через Бердянск, и это была волна подлинная, а не игрушечная, всеуездная волна" [3, 201].

Цитирование воспоминаний Рафаила и Елены Кабо, касающихся Бердянска и Таганрога, можно было бы и продолжить. Но мы видели задачей нашей публикации нечто иное: привлечь внимание и исследователей, и общественности этих двух городов Приазовья на такой ценный источник, каковым являются упомянутые воспоминания.

Остается вернуться к тезисам о том, что бурное XX столетие разбросало по миру бывших земляков и о том, что потомки берегут память о местах пребывания своих предков (с этих тезисов и начинается наша статья). Дело в том, что воспоминания Рафаила и Елены Кабо были изданы в Канберре (Австралия) в 2006 году их сыном Владимиром Кабо и его супругой Еленой Говор. Именно Елена Говор, продолжая исследовать приазовские корни семьи, встретила в Интернете

наши книги о Бердянске. Через тот же Интернет она с нами связалась. Началась довольно оживленная переписка, которая продолжается уже несколько месяцев. И Елена прислала из Канберры посылку с двумя экземплярами опубликованных воспоминаний.

Из переписки с Еленой мы узнали, что сама она – историк, работает в Австралийском национальном университете в Канберре.

Елена с супругом выяснили, что сегодня представители семьи Кабо проживают, кроме Австралии, в Украине, России, Беларуси, Латвии, Литве, Казахстане, Швеции, Германии, Израиле, США.

Что касается непосредственно Приазовья, то установлено, что семья Рафаила Симоновича Кабо перебралась в XIX веке из Новозлатополя в колонию Надежная, а уже оттуда — в Мариуполь и Бердянск. В Мариуполе жили старшие сыновья Рафаила — Елья и Ошер-Анцель. Младшие же сыновья – Михаил и Хона – жили в Бердянске.

В размещенных в Интернете томах опубликованных нами "Материалов по истории Бердянского государственного педагогического университета" [1; 2] Елена нашла информацию по нескольким линиям предков из Приазовья – Кабо, Губергриц, Энгель и Иоголович. В том числе – и об окончании гимназии Юлием Энгелем и его друзьями.

В нашей же совместной с В. Чопом монографии «"Вольный Бердянск": город в период анархического социального эксперимента (1918–1921 годы)» [4] австралийская исследовательница нашла упоминание о Эммануиле Кабо. Именно в честь него двое его братьев назвали своих сыновей Минями (Эммануилами).

Елена прислала нам две фотографии из архива Рафаила Кабо, на одной из которых запечатлены политзаключенные Бердянской тюрьмы 1908 года с подписями, а на второй – семья Кабо в 1910 году, когда Рафаил ненадолго вернулся в Бердянск после первой ссылки.

Поиски продолжаютя...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бердянська чоловіча гімназія (остання третина XIX століття) / упорядники: В.М. Константінова, І.І. Лиман // Матеріали з історії Бердянського державного педагогічного університету. Том I. К.: Освіта України, 2006. 528 с.
2. Бердянська чоловіча гімназія (1901–1919 роки) / упорядники: І.І. Лиман, В.М. Константінова // Матеріали з історії Бердянського державного педагогічного університету. Том II. К.: Освіта України, 2007. 631 с.
3. Кабо Р., Кобо Е. Впереди – огни. Воспоминания, письма, очерки. Канберра: Алчеринга, 2006. 262 с.
4. Чоп В.М., Лиман І.І. "Вольный Бердянск": місто в період анархістського соціального експерименту (1918–1921 роки). Запоріжжя: РА "Тандем – У", 2007. 478 с.

В.Ю. Моисеенко

РОЛЬ МЕДИА В СТАНОВЛЕНИИ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА (НА БАЗЕ ПРОФИЛЯ «ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО»)

«Медиа (средства массовой коммуникации) – комплексное средство освоения человеком окружающего мира (в его социальных, моральных, психологических, художественных, интеллектуальных аспектах) [11]. Сегодняшний студент уже не мыслит свою жизнь без цифрового фотоаппарата, сотового телефона с камерой. Медиа используют почти все каналы восприятия, они играют огромную роль в жизни человека, в культурном обмене между людьми, в воспитании и образовании подрастающего поколения, а также в процессах управления и других областях социокультурной сферы.

Осознание роли медиа в жизни каждого человека в современном обществе привело к необходимости пристального анализа этого вида деятельности с позиции педагогики. Новая отрасль педагогики, изучающая данную область, получила название медиаобразования.